

Вдруг сквозь бескрайнюю снежную пелену мелькнули силуэты. По заснеженной равнине, пересекая им путь, стремительно неслись оборотни, принявшие звериное обличье — точь-в-точь как Чан и Юн.

А-Да прищурилась, вглядываясь в приближающуюся группу:

— Это люди из Храма Бога-Зверя.

Изнурённая Луо, услышав о Храме Бога-Зверя, невольно бросила взгляд на свёрток с детёнышем-безумным зверем — за всё время с момента рождения она ни разу не прижала его к груди и не покормила. Её распухшие от слёз веки снова дрогнули, а на глаза навернулись слёзы.

Она повернулась к А-Да и с надрывом спросила:

— Твой... прошлый... тебе тоже было так больно? Я ведь носила его столько дней... Он так живо толкался в животе, его отец даже имя успел придумать. Ну за что нам всё это?..

У Линь Ло сжалось сердце. Из слов Луо следовало, что А-Да в прошлом тоже родила безумного зверя, и, судя по тамошним порядкам, того ребёнка точно так же забрали в Храм Бога-Зверя.

А-Да крепче сжала густую шерсть на холке Чана, не сводя глаз с приближающихся посланников:

— Нам нужно жить дальше. У меня ведь есть не только он. Есть ещё Юн, Сяо Шу и Чан.

Слёзы Луо молча покатались по щекам. Она поняла подругу: как бы ни разрывалась душа от боли, остаётся только смириться. Рядом близкие, и ради них нужно тянуть эту лямку, привыкая к невыносимому.

Чужаки из Храма тоже заметили их. Не успели сородичи подойти к окраине стоянки, как путь им преградил мужчина-оборотень: торс человеческий, а вместо ног — исполинский змеиный хвост. Атлетически сложенный, с бугристыми, будто высеченными из камня мышцами, он внушал невольный трепет. Его тёмный хвост, достигавший в длину хороших двадцати метров, поражал своей жуткой толщиной.

Чан в зверином облике глухо прорычал, выговаривая слова:

— Почтенный из Храма Бога-Зверя, у нас есть безумный зверь. Мы хотим передать его вам.

С этими словами он слегка повернулся, показывая привязанного к боку волчонка.

Змееподобный оборотень смерил волчонка холодным взглядом и мгновенно распознал в нём безумного зверя. Повелительным жестом он бросил подчинённым:

— Заберите безумного зверя.

— Слушаемся, господин.

Один из оборотней выступил вперёд, подхватил малыша за загривок и отнёс к строю. На боку у крупного чёрного волка висела скрытая плотным пологом из шкур клетка. Служитель откинул край кожи и бесцеремонно швырнул волчонка внутрь.

В клетке уже теснился десяток новорождённых безумных зверей самых разных видов. Совсем ещё крохи, они остервенело грызли друг друга; всё дно было залито кровью. Едва волчонок упал на прутья, как мелкая обезьяна и детёныш носорога тут же впились зубами ему в заднюю лапу и холку. Малыш взвизгнул и яростно огрызнулся в ответ.

Линь Ло нахмурился. В груди колыхнулась глухая досада. Из-за своей редкой ментальной близости к животным — в его прежней жизни звери рядом с ним всегда становились кроткими и ласковыми, да и в апокалипсисе он выжил лишь благодаря им — юноша с трудом переносил подобное бессмысленное и жестокое кровопролитие.

Он бессознательно шевельнул едва зародившейся в глубине тела ментальной силой. В то же мгновение до его сознания донеслась целая буря чужих эмоций из клетки: слепая ярость, дикий раж и беспросветная, удушающая тоска.

Оборотень, бросивший волчонка, давным-давно привык к грызне за прутьями. Он уже заносил руку, чтобы задёрнуть завесу из шкуры, как вдруг опешил: на кратчайшее мгновение безумные звери в клетке замёрли, словно застыли в каменно-неподвижных позах посреди драки.

Он недоверчиво протёр глаза, но в клетке уже снова кипела обычная свара. Воин лишь презрительно ухмыльнулся собственной глупости: померещится же такое! Единственные, кто способен утихомирить безумных зверей, — это жрецы Храма Бога-Зверя. Да и те прибывают исключительно из Башни Жрецов в Городе Большой Луны и без крайности палец о палец не ударят.

Свалявшаяся шкура некогда свирепого безумного зверя опустилась, накрыв клетку. Оставшийся на ней тяжёлый, подавляющий запах заставил маленьких безумных зверей одновременно сжаться от страха и ещё пуще зайтись в бессильной ярости.

Посланники Храма двинулись дальше и вскоре растаяли в снежном мареве.

Линь Ло долго смотрел им вслед, а затем перевёл взгляд на собственные ладони. В тот краткий миг, когда он задействовал крохи своей способности, ментальная связь откликнулась. Даже

малая толика — меньше одной сотой — той боли и безумия, что захлестнули его через эмпатию, выбила почву у него из-под ног, дав пищу для долгих, тревожных раздумий.

Когда они вернулись на стоянку племени, те из оборотней и полуоборотней, кто прибыл раньше, уже вовсю расчищали завалы. Из-под снега извлекали утварь, брошенную во время урагана, и тела тех, кому не удалось пережить лютый буран.

Почти все погибшие были полуоборотнями. Чистокровных людей среди жертв не оказалось вовсе — и не потому, что те крепче или выносливее. Просто до того, как Сяо Шу притащил обессиленного Линь Ло, во всём племени не водилось ни одного чистокровного. Как рассказывал сам Сяо Шу, люди — существа хрупкие, щуплые и на всём континенте Зверолюдей давно стали легендой. Наткнувшись на Линь Ло в снегах, мальчишка поначалу решил, что у него помутилось в глазах.

Остановившись у знакомого земляного углубления, А-Да помогла Луо спуститься со спины Чана, а Сяо Шу и Линь Ло соскользнули с Юна. Едва их ноги коснулись земли, как к ним подбежал сородич в облике тигра — с иным, чем у Чана и Юна, рисунком полос на шкуре. Перекинувшись на ходу в человека, он сгрёл Луо в охапку.

Женщина судорожно прижалась к мужу и, захлёбываясь слезами, выложила всё: и про рождение безумного зверя, и про то, как его забрали служители Храма.

Мужчина-оборотень на мгновение потемнел лицом, но тут же сглотнул горькую обиду и принялся баюкать жену, шепча, что у них ещё обязательно будут здоровые дети и не стоит терзать себе душу. Успокоив Луо, он вместе с ней подошёл выразить глубокую благодарность семье А-Да.

А-Да лишь отмахнулась:

— Да о чём речь, Юй! Забудьте. Погода утихла, народ вовсю расчищает стоянки. Давайте-ка и мы приведём укрытие в порядок. Затопим очаг в земляной яме — и если новый буран не накроет, детворе станет куда теплее.

— Спасибо вам, А-Да, Чан. Если что потребуется — зовите, сразу прибегу на помощь! — отозвался Юй.

— Идите-идите, нас тут много, сами справимся, — с теплой улыбкой ответила А-Да.

Проводив Юя и Луо, она позвала Линь Ло и Сяо Шу расчищать укрытие, пока Чан с Юном вместе с остальными сильными оборотнями отгребали сугробы подальше от ям.

Постепенно оборотней и полуоборотней на стоянке прибавилось, и снежные завалы быстро растаяли под десятками рук. Выгребли снег и из ямы, где раньше ютилась семья А-Да. Вглядевшись в раскисшее, превратившееся в мутную лужу дно, Линь Ло обратился к хозяйке:

— А-Да, мы с Сяо Шу ходим за хворостом. Надо просушить яму огнём — тут же сырость непролазная, спать на таком земляном полу невозможно.

А-Да витала где-то в своих мыслях, откликнувшись не сразу. Опомнившись, она пригнулась к земле, делая вид, что усердно перебирает вещи:

— Да-да, сходите... Только далеко в лес не забирайтесь. После метели там вполне могут рыскать хищники.

— Поняли, А-Да, мы быстро!

Ложиться на такое месиво Линь Ло физически не мог: на дне не просто стояла вода — там плавали утонувшие в грязи личинки и жуки. План был прост: выгрести жидкую грязь и пададь, настелить сушняка, прокалить земляное дно и сделать укрытие чистым и сухим.

Буран принёс не только снег, но и кучу обломанных веток со всей округи. Торчавшие из сугробов сучья были сухими. Учитывая свой скромный рост и глубину снежного покрова, Линь Ло решил не рисковать и не вести Сяо Шу в чащу. Вместо этого они направились к отвалам, куда оборотни сгребали снег, и стали вытаскивать ветки прямиком оттуда.

Будь это раньше, Сяо Шу непременно принялся бы восхищаться: «Ло, ну до чего же ты сообразительный!». Но сегодня мальчик молчал, уйдя в себя точно так же, как и его мать перед их уходом.

Линь Ло аккуратно укладывал хворостину к хворостине. Набрав охапку, он туго стянул её ремешком из сыромятной кожи и принялся за вторую. Глядя на понурого спутника, юноша тихо спросил:

— Сяо Шу... ты всё думаешь о том безумном звере?

Мальчик вздрогнул, но скрывать не стал и кивнул:

— Мама никогда не говорила, что у меня был старший брат... мне ужасно тоскливо. Но маме с папой сейчас наверняка ещё тяжелее. Они так заботятся обо мне и Юне... Будь братик с нами, они и его бы любили не меньше.

Линь Ло помедлил. Из-за своей сверхчувствительности к эмоциям животных он до сих пор чувствовал удушье, стоило лишь вспомнить ту волну дикой боли, что захлестнула его в клетке. Раз уж вернуться в родной мир ему не суждено, почему бы не попытаться стать жрецом? Вдруг

получится найти способ хотя бы немного облегчить участь этих несчастных существ?

— Сяо Шу, ты говорил, что лишь жрецам Храма Бога-Зверя под силу вернуть безумным зверям каплю разума... Как становятся жрецами?

Сяо Шу растерянно качнул головой:

— Не знаю. Я только слышал от взрослых, что Храмы есть в каждом крупном городе, а в таких бедных племенах, как наше, жрецов отродясь не водилось.

— Вот как...

Мальчик уставился на него с изумлением:

— Ло, а тебе-то зачем?

— Хочу попробовать стать жрецом, — спокойно отозвался Линь Ло.

Сяо Шу округлил глаза, а затем до него дошло: Ло решил так после того, как увидал бедных детёнышей в клетке!

В глазах мальчишки вспыхнул огонёк:

— Я тоже хочу стать жрецом! Тогда я смогу отыскать брата и сказать ему, что мама с папой никогда о нём не забывали!

Эта мысль целиком захватила Сяо Шу. Забыв про хандру, он принялся с удвоенной энергией собирать хворост. Вскорости они увязали две внушительные вязанки, продели сквозь них прочную жердь и понесли на плечах — этому простому, но удобному способу коромысла мальчишку тоже научил Линь Ло, из-за чего тот казался Сяо Шу кладезем мудрости.

Едва притащив хворост к яме, Сяо Шу подбежал к матери:

— Мама! Мы с Ло хотим отправиться в город, чтобы узнать, как стать жрецами!

Удручённая А-Да лишь укоризненно посмотрела на них:

— Разболтались... Жрецами они возомнили себя стать! Скидывайте хворост в яму, давайте сушить, как Ло говорил. Скоро стемнеет.

Сяо Шу был младшим сыном, и хотя жили они впроголодь, родители его баловали, отчего тот рос весьма наивным. А-Да просто списала его слова на детские фантазии.

Линь Ло же посмотрел ей прямо в глаза и произнёс вполне серьёзно:

— А-Да, я правда хочу попасть в город. Телом я слаб, охотник из меня никакой. Даже если стать жрецом не выйдет, в городе найду какую-нибудь работу, чтобы кормить себя самого.

А-Да внимательно вгляделась в юношу. Хоть этот чистокровный прожил у них всего ничего, она успела заметить: за хрупкой внешностью Линь Ло скрывается рассудительный и твёрдый характер.

Она нахмурилась:

— Ло, ты точно всё решил?

— Точно.

— Что ж... — женщина тяжело вздохнула. — Тогда жди весны. Сейчас снаружи лютует стужа и зверье. Уйдёшь сейчас — и до первого привала не дотянешь, замёрзнешь насмерть.

— Спасибо, А-Да, — Линь Ло тепло улыбнулся.

Сяо Шу тут же поднял гвалт:

— Мама! Почему Ло можно, а мне нельзя?! Я тоже хочу в город! Я тоже хочу быть жрецом!

А-Да бесцеремонно отодвинула его ладонью:

— Вот наберёшься ума и рассудительности, как Ло, тогда и пойдём разговоры разговаривать. А ну марш разводить огонь!

И как бы мальчишка ни канючил и ни топал ногами, мать осталась непреклонна.

Линь Ло наблюдал за этой перепалкой с тихой улыбкой. Своих родителей он потерял ещё в пятилетнем возрасте — они погибли в автокатастрофе, и растили его дедушка с бабушкой. Благодаря страховке он ни в чём не нуждался, спокойно поступил в университет, но к тому времени старики один за другим ушли из жизни. Теплота, витавшая в семье Сяо Шу, отзывалась в его душе приятным светом. Зависти не было: он тоже познал любовь и заботу в своём детстве.

Они устлали дно земляной ямы хворостом. Добыв огонь древним способом — трением деревянной палочки, — они подожгли настил. Поначалу к небу повалил густой, едкий дым: выкопанные из-под снега сучья пропитались влагой, и требовалось время, чтобы сырость испарилась.

Соседний оборотень, расчищавший свою яму, с удивлением посмотрел на дымящееся укрытие и закашлявшихся сородичей:

— Чан, вы что удумали? В такой дымовухе разве поспишь?!

— Ребята предложили, решили опробовать, — басом отозвался Чан.

— Да сколько тех лет твоим малявкам, чтобы слушать их глупости! Прожжёте землю — где ночью спать будете? Снегом засыплет!

— Ничего, — невозмутимо возразил Чан. — Не выйдет — выгребем угли, да и дело с концом.

Сосед лишь покачал головой: эх Чан потекает домашней мелюзге!

Яма представляла собой неровный прямоугольник глубиной в два метра. Когда влага из веток испарилась, костёр дружно вспыхнул жарким пламенем. Когда сушняк прогорел, оставив лишь алые угли, Линь Ло вместе с Чаном и А-Да взяли лопатки из прочного, не боящегося огня железного дерева и принялись выгребать жар.

Линь Ло внезапно осенило:

— А-Да, не выбрасывайте угли далеко! Давайте сгребём их кучей сбоку и засыплем снегом. Когда они потухнут и остынут, получится древесный уголь. Его потом можно подкладывать в укрытие для тепла — и никакого дыма!

— Правда?! — оживился Сяо Шу, мигом забыв про обиду.

А-Да, Чан и Юн тоже уставились на юношу с нескрываемым интересом.

— Правда. В моём... в моём прежнем племени всегда так делали, — уверенно кивнул Линь Ло.

— Ладно, валите сбоку, чтобы не таскать вдаль, — решила А-Да.

Мужчины стали сбрасывать алые угли на расчищенную площадку, а Чан тут же присыпал их снегом. Соприкасаясь со снегом, уголья шипели, выплескивая клубы пара, и быстро чернели. Древесина была плотной, так что и уголь получился отличным, хоть и мелковатым из-за

горения на открытом воздухе.

Очаг выгребли дочиста. Дно и стенки ямы, ещё недавно раскисшие от растаявшего снега, насквозь просохли, а кое-где земля даже пошла мелкими трещинами. От ямы веяло густым, ласковым теплом — настоящим спасением после свирепого бурана!

Первой внутрь соскользнула А-Да, за ней прыгнул Сяо Шу. Глаза мальчика вспыхнули восторгами:

— Сухо! И как тепло! Просто чудо!

Чан и Юн осторожно прикоснулись к разогретой земле. Хотя зрелые воины держались сдержаннее, их лица тоже светились радостью. Густая шерсть защищала оборотней от мороза, но спать на мокрой грязи не нравилось никому. Теперь же их ждала ночь в сухом тепле.

А-Да оглядела обновлённое жилище и скомандовала:

— Ло, вы с Сяо Шу раскладываете припасы на дне, а мы с Чаном и Юном натянем шкуры.

— Хорошо, — кивнул Линь Ло.

Вскоре над прямоугольной ямой встал каркас из трёх толстых жердей, обтянутый тяжёлыми шкурами. Вверху оставили отверстие размером с кулак — для вытяжки и свежего воздуха.

В одном из углов аккуратно сложили всё нехитрое имущество семьи: четыре вяленых мясных куска, глиняный горшочек с ладонь, полный тёмной крупной соли, да стопку высушенных шкур.

Все пятеро вытянулись вдоль прогретого дна. Линь Ло прилёг между прогретой глиняной стеной и Сяо Шу. Земля отдавала накопившееся тепло, прогоняя ледяной пронизывающий холод, ввевшийся, казалось, в самые кости. Под боком была не чавкающая жижа, а твёрдая, сухая твердь.

Едва смежив веки, Линь Ло мгновенно погрузился в глубокий, безмятежный сон — лучший за все дни с момента его появления в этом суровом мире.

<http://bllate.org/book/20115/1992899>